

Книга «Старая Россія», превосходно изданная и богато иллюстрированная старыми гравюрами, подобранными съ большимъ знаніемъ и вкусомъ, посвящена авторомъ «его» русскимъ друзьямъ «по обѣ стороны политическихъ границъ, друзьямъ, душа которыхъ волнуется за родину». Въ книгѣ — среди прочаго матеріала — авторъ описываетъ свое посѣщеніе московскихъ монастырей, Кремля, села Коломенскаго, Троице-Сергіевской Лавры, Новгорода, Ростова Великаго и Петербурга. Въ одномъ изъ этихъ очерковъ Ло Гатто рассказываетъ про свою бесѣду съ молодымъ совѣтскимъ писателемъ, его спутникомъ по путешествію въ Ростовъ. Этотъ писатель былъ удивленъ, когда услышалъ отъ итальянца подробное изложеніе легенды о Градѣ-Китежѣ. А между тѣмъ — признается авторъ — я бы не удивился, услышавъ отъ русскаго гдѣ-нибудь на линіи Фолиньо-Перуджа одну изъ легендъ нашего дуеченто. «Почему же, — прибавляетъ онъ, — иностранцы должны знать и любить нашу исторію, наши легенды, наши сокровища искусства и поэзіи, а мы не должны знать ихъ легендъ, правда — оченъ отличныхъ отъ нашихъ, но столь же характерныхъ для пониманія и оцѣнки ихъ жизни, и современной, и той, которая подготовила ее въ вѣкахъ?»

Прекрасныя слова въ устахъ иностранца, который своими работами по изученію Россіи сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ кто-нибудь изъ насъ могъ сдѣлать для правильнаго пониманія русскими современной Италіи и той ея исторіи, которая подготовила ходъ ея нынѣшняго развитія.

М. Г. Ос.

Л. Шестовъ. На вѣсахъ Іова. (Странствованія по душамъ). — Изданіе «Современныхъ Записокъ». Парижъ, 1929. Стр. 372.

Трудно передать въ немногихъ словахъ все богатое содержаніе этого восьмого тома сочиненій Льва Шестова, да оно и не такъ необходимо: читатели «Соврем. Записокъ» имѣли возможность ознакомиться почти со всѣми философскими трудами, вошедшими въ этотъ томъ, такъ какъ они предварительно появлялись на страницахъ этого журнала.

Есть еще одна трудность: у Шестова, поставившаго себѣ цѣлью всей своей философской дѣятельности борьбу съ прочными устоями-идеями научной или наукообразной философіи, отрывъ отъ почвы строгого, по законамъ совершающагося догматическаго мышленія, есть опредѣленная заданія и темы, но нѣтъ фундамента изъ ряда строгихъ принциповъ, на которомъ онъ возводилъ бы систематически знаніе своей философіи. Его мысль приходитъ изъ страны невѣдомой, вдругъ, внезапно и такимъ же загадочнымъ образомъ уходитъ во второе измѣреніе времени, за предѣлы, очерченные «ясно, въ страну великой и послѣдней Тайны. «По самой своей природѣ тайна такова, что она не можетъ быть открыта, а Истина постигается нами лишь постольку, поскольку мы не желаемъ овладѣть ею, использовать ее для «историческихъ» нуждъ, т. е. въ предѣлахъ единственнаго извѣстнаго намъ из-

мѣренія времени. Какъ только мы захотимъ открыть Тайну или исподъзвать Истину, т. е. сдѣлать Тайну явной, а Истину всеобщей и необходимой — хотя бы нами руководило самое возвышенное, самое благородное стремленіе раздѣлить свое знаніе съ ближнимъ, облагодѣтельствовать человѣческой родъ и т. п. — мы мгновенно забываемъ все, что видѣли въ «выхожденіи», въ «изступленіи», начинаемъ видѣть «какъ всё» и говоримъ то, что нужно «всѣмъ». То-есть та логика, которая дѣлаетъ чудо превращенія отдѣльныхъ «безполезныхъ» переживаній въ общепользныи «опытъ» и такимъ образомъ создаетъ необходимый для нашего существованія прочный и неизмѣнный порядокъ на землѣ, эта логика — она же и разумъ — убиваетъ Тайну и Истину». (80 - 81). Но философы всѣхъ временъ были болѣе всего озабочены тѣмъ, — чтобы изгнать Тайну изъ жизни, создать единообразіе сужденій, связанное съ идеей необходимости. Кантъ находилъ эту желѣзную необходимость, принудительность въ «Королевскомъ пути» математическихъ и естественныхъ наукъ, Спиноза — въ аксіомахъ, теоремахъ, постулатахъ, и онъ строитъ свою философію по наукѣ, *more geometrico*. Отъ зоркаго взгляда и Юма, и Канта не могли укрыться тѣ чудеса, свидѣтелями и дѣйствующими лицами которыхъ мы являемся на каждомъ шагу въ жизни. Въ человѣкѣ существуетъ таинственная чудесная сила, позволяющая самой утонченной мысли дѣйствовать на грубую матерію. Это вѣдь равносильно тому, какъ если бы человѣкъ обладалъ силой путемъ тайнаго желанія передвигать горы или направлять планеты въ ихъ орбитахъ, задержать луну въ ея движеніяхъ. И отъ такихъ чудесъ философы укрываются — Юмъ въ «привычку» нашего разума, Кантъ — въ непостижимость «вещи въ себѣ». Метафизика, прозрѣніе чудесъ для нихъ невозможно, а если есть чудеса на бѣломъ свѣтѣ, то ихъ надо обратить въ «естественныя чудеса». Все должно равняться по математикѣ, по естественнымъ наукамъ: онѣ даютъ ту осязаемую прочность и достовѣрность на землѣ, къ которой всегда стремились философы, и усыпляютъ тревогу, живущую въ человѣческихъ сердцахъ. Науки «оправдали» себя, онѣ включили и человѣка въ общую цѣль необходимости, почему же и философіи не стать строгой наукой? И современное научнофилософское познаніе превращаетъ живого человѣка въ чистый принципъ, надѣленный «трансцендентальнымъ единствомъ аперцепціи» (Кантъ) въ «сознаніе вообще», въ «*le moi infailible dans ses constatations immediates*» (Бергсонъ), въ гуссерлевское чистое я, вплоть до Heidegger'овской «чистой» формулы — «*das man*»; научная философія уходитъ или въ панлогизмъ, или въ этической идеализмъ, идею автономнаго добра, по которой должна равняться дѣйствительность. Всѣ эти идеи, всѣ эти «вѣчныя» истины въ нашей власти, а философы всѣхъ временъ были болѣе всего озабочены тѣмъ, чтобы не выпустить изъ рукъ жезла Меркурія, который, по словамъ Эпиктета, все обращаетъ въ добро. Болѣзнь, горе, неудачи, «спстигающія одинаково праведныхъ и неправедныхъ», объявляющія безразличными или даже несуществующими, и на вопль Юва, дерзнувшего препираться съ Господомъ, спинозизмъ, владѣющій философскими умами, отвѣчаетъ: не смѣяться, не плакать, не проклинать, а пони-

мать, т. е. идти искать истину къ тому судѣю неправедному, къ разуму, который еще въ древности «увидѣлъ», что необходимость — непреодолима, къ мудрости стоиковъ и платониковъ, подобострастно смотрящей на разумъ и принимающей все, что разумъ увидѣлъ, за самоочевидное: «добро», реально только то, надъ чѣмъ разумъ властенъ, «зло», не существуетъ то, что разуму неподвластно. Еще въ древней философіи этика заняла мѣсто онтологіи. И такъ оно остается до нашихъ дней. Въ этомъ смыслъ спинозовскаго «плодъ знакомъ вѣчности или необходимости», уводящаго человѣка изъ міра дѣйствительности къ своимъ трюгальникамъ и теоремамъ; въ этомъ смыслъ гегелевскаго «что дѣйствительно, то разумно» (349).

И лишь тогда, когда человѣкъ почувствуетъ, что созданные нами идолы и цѣнности нѣчто условное и относительное, а истинная реальность — въ томъ, что все нами создано, наступаетъ «истинное пробужденіе души къ самой себѣ» (Платинъ); онъ бѣжитъ изъ «всѣмствія» вмѣстѣ съ Достоевскимъ, «по ту сторону добра и зла», съ Ницше, страдая съ себя чары и сверхестественное наводненіе общаго аристотелевскаго міра съ Паскатемъ. «Величайшая и постыдѣняя борьба», величайшее душевное напряжение можетъ насъ вырвать изъ соннаго оцѣпенѣнія нашего обыденнаго мышленія и привести туда, гдѣ истина не принуждаетъ, а одаряетъ, и разумъ изъ узурпатора, господина превращается въ слугу и раба.

Въ рѣдкія минуты пробужденія души къ самой себѣ, мы нашимъ вторымъ зрѣніемъ начинаемъ видѣть, что истина не тамъ, гдѣ насъ приучили ее видѣть измѣряющіе все на земныхъ математическихъ вѣсахъ славильщики разума, что разумъ самъ долженъ оправдаться въ глѣхъ самоочевидностяхъ и предпосылкахъ, на которыхъ онъ держится. Психологически возможно, т. е. реально то, что логически нельзя, безсмысленно (37).

Надо дойти до корней вещей, до основныхъ предпосылокъ и самоочевидностей, на которыхъ держится научная философія, и оттого пышный расцвѣтъ рационализма въ лицѣ Гуссерля, одного изъ самыхъ мощныхъ и смѣлыхъ умовъ современной нѣмецкой философіи, привлекъ особенное вниманіе Шестова еще во «Власти ключей». Когда «гуссерлевская стѣна, законъ, аргументика», какъ выражается В. Fondane въ очень дѣльной статьѣ, посвященной философіи Гуссерля въ журналѣ *Esprit* (15-VI — 29), столкнулись съ шестовской беспочвенностью, выяснилось даже для самыхъ пазволовѣрныхъ учениковъ и сторонниковъ Гуссерля какъ страасбургскій профессоръ *Hering*, что самая сильная возраженія феноменологич были представлены русскимъ мыслителемъ. Феноменологія держится на глѣхъ, что разумъ въ оправданіи не нуждается. «И въ тотъ моментъ, когда онъ (Гуссерль) эту вѣру утратитъ (а разъ такое могло «случиться» съ Платиномъ, то гдѣ ручательство, что какое нибудь неокиданное *momento* не вышибетъ почву изъ-подъ ногъ и самою убожденнаго рационалиста?), что останется отъ державшейся на самоочевидностяхъ теории познанія?» (370).

Каждый изъ насъ носить въ себѣ своего Гуссерля и надо его по-

бороть въ собственной душѣ, чтобы дойти до корней основныхъ философскихъ проблемъ. Тутъ начинается та пропасть, въ которую научно вышколенные философскіе умы боятся заглянуть. Даже Бергсонъ, когда наступаетъ моментъ «взлетѣть надъ познаніемъ», боится потерять почву подъ ногами и возвращается отъ своей «безосновности», чтобы не быть «сметеннымъ наукой», къ бдительной опекаѣ разума, къ «интегрированію дифференцированного научнаго опыта». И это французскій мыслитель называетъ метафизикой!

Но для Шестова истина проходитъ въ жизнь, не предъявляя никому оправдательныхъ документовъ. «Истинѣ не нужно никакихъ оснований — развѣ она сама себя не можетъ нести! Последняя истина, то, чего ищетъ философія, что для живыхъ людей является самымъ важнымъ — приходитъ «вдругъ». Она сама не знаетъ принужденія и никого ни къ чему не принуждаетъ» (371). Это видѣлъ Плотинъ, когда внезапно въ его душѣ начиналъ сіять свѣтъ, это видѣли въ рѣдкія минуты пробужденія души къ самой себѣ отъ сверхестественнаго навожденія Паскаль, Достоевскій, Толстой, Лютеръ и тѣ многочисленные мыслители, странствованія по душамъ которыхъ предпринялъ Шестовъ. И какъ не похожи истины, которыя они видѣли въ минуты неизреченныхъ постиженій, на ту общеобязательную истину, которая навязывается людямъ въ аристотелевскомъ общемъ мірѣ, го «всѣмствѣ», когда души «вкушаютъ хладный сонъ», общій сонъ жизни съ открытыми глазами.

Шестовская безпощадность пугаетъ робкіе умы и на опасномъ поворотѣ человѣческой мысли они кричатъ: «осторожно!» Недаромъ португальскій ученый Vieira del Almeida въ своихъ *Opuscula critica*, посвященныхъ философіи Шестова, говоритъ, что «сверхраціонализмъ» русскаго мыслителя гребуетъ не учениковъ, а послѣдователей. Ученики привыкли помилутно оглядываться, и снова пробовать вочу поды ногами, чтобы не провалиться какъ нѣкогда Фалесъ поды веселый хохотъ здраваго смысла въ колодезь. Кто привыкъ подобострастно прислушиваться къ голосу разума, говорящаго какъ власть имущій, тому и не надо глядѣть на Небо. Путь къ метафизикѣ закрытъ для него навсегда.

Нѣмецкая философская мысль, которую переживанія послѣднихъ десятилѣтій подвело близко къ пропасти, огмѣчаетъ въ связи съ недавнимъ появленіемъ разбираемой книги въ нѣмецкомъ переводѣ, что въ философіи Шестова не только дана критика чистаго разума, но и возстановлена въ правахъ захуленная «математическимъ» методомъ исканія истины калризная, измѣнчивая метафизика. Шестовъ даже не задаетъ себѣ вопроса, возможна ли метафизика. «Свѣтлѣшему разуму» не надо и спрашивать, какъ не надо было спрашивать Плотину въ моменты экстаза и бѣгства къ своему Единому. Шестовъ не устаетъ говорить о метафизикѣ, о чудесахъ божьяго міра, о проороческихъ постиженіяхъ великихъ умовъ челоѣчества.

Это дало поводъ нѣкоторымъ критикамъ назвать Шестова религиознымъ мыслителемъ *par excellence*. Но и на религиозной истинѣ, дѣлающейся добычей «всѣмства», Шестовъ показываетъ, какъ она

идеть въ концѣ концовъ на поклоненіе къ тому же разуму. Истина Откровенія въ рукахъ научно вышколенныхъ философовъ и теологовъ обращается въ единую истину, въ единую всеспасающую догму, т. е. испрашиваетъ благословенія у самодержавнаго разума, самодовлѣющаго добра. Больше всего человекъ боится свободы. Самъ Богъ, чтобы получить предикатъ бытія, долженъ обратиться къ тому-же разуму. И «нормальный теологъ» Фома Аквинскій, для котораго *ex nihilo nihil fit*, подаетъ въ этомъ отношеніи руку современному мыслителю Джемсу, старавшемуся въ многообразіи религиознаго опыта «уловить нѣчто общее, что можно было бы вывести за скобку субъективныхъ переживаній, т. е. и тутъ, и тамъ подводится логическій фундаментъ подъ религиозное творчество.

Теологическая критика, назвавшая Шестова «библейскимъ человекомъ», должна будетъ въ концѣ концовъ признать, что та великая и послѣдняя борьба, къ которой онъ вмѣстѣ съ Плогинномъ зоветъ человѣческія души, лежитъ по ту сторону и теологической, и научной истины. Несомнѣнно, что Ш. въ исторіи религиознаго опыта человечества уловилъ тѣ рѣдкіе моменты, когда религиозная мысль выбивалась изъ путь наукообразныхъ построений и оправданій религиознаго Откровенія. Его философскій анализъ религиознаго опыта Лютера, указаніе на значеніе спасенія «единой вѣрой», а не «добрыми дѣлами», его проникновеніе въ таинственную, загадочную атмосферу посланій ап. Павла, пророчество Исаи дали исполнѣ основательно поведъ школъ Барта сблизить русскаго мыслителя съ знаменитымъ датскимъ философомъ Киркегоромъ (Kierkegaard). Отклоненіе этического момента въ силу абсурднаго, парадоксальнаго, прославленіе жертвы Авраама и рыцарей чистой вѣры роднятъ мысли Киркегора съ философіей Шестова, но онъ еще слишкомъ отягощенъ категоричностью: единичное и общее, имманентное и трансцендентное взаимно исключаютъ и поддерживаютъ у К. другъ друга; онъ находитъ еще по временамъ удовлетвореніе въ гегелевскомъ самодвиженіи понятій, которое онъ силой своего таланта превращаетъ въ «диалектическую лирику». Второе зрѣніе, о которомъ говоритъ Ш., онъ получилъ, когда личныя переживанія вырвали его, какъ въ свое время Паскаля, какъ въ наше время Ницше, Достоевскаго изъ «всѣмства», и онъ какъ Іовъ на пепелищѣ ропщетъ и «препирается съ Господомъ», онъ не хочетъ «безполезныхъ утѣшеній» нашего разума и требуетъ отвѣта отъ Неба. — Развѣ громъ, говоритъ онъ, — не отвѣтъ, не объясненіе, надежное, вѣрное, первичное, отвѣтъ, данный самимъ Творцомъ? Пусть этотъ отвѣтъ раздавлиаетъ человека, онъ величественнѣе чѣмъ утѣшенія о справедливости Провидѣнія, которыя выдумываетъ человѣческая мудрость. — Но мы перестали слышать и видѣть знаменія Неба, мы разучились разбирать таинственныя письмена, даже когда они начертаны человѣческой рукой, намъ, ослѣпленнымъ свѣтомъ разумаго познанія и естественныхъ объясненій нужно какое нибудь сверхестественное *memenlo*, чтобы проснуться — и то на мгновеніе — отъ того сверхестественнаго же навожденія и оцѣпенѣнія, о которомъ говоритъ еще Паскаль. Не потому ли

этиодъ Шестова о Паскаль («Геесиманская ночь»), о мыслитель, оставшемся вдали отъ большихъ дорогъ философіи, былъ для французской критики «геніальнымъ» откровеніемъ, пришедшимъ изъ чужой страны?

Философія Ш. не хочетъ ни поучать, ни проповѣдывать: она хочетъ только вырвать насъ изъ общаго аристотелевскаго міра и вернуть намъ человѣка, созданнаго по образу и подобию божьему, превращеннаго въ мертвый объектъ наукообразными построениями философіи, цернуть міръ живой дѣйствительности, пусть дѣйствительности, полной трагизма, но отъ ужасовъ жизни и смерти нельзя укрыться въ раковину автономнаго добра или другой «возвышенной» въ своемъ безразличіи и безучастности идеи, какъ и не всѣмъ, и не всегда дано улетѣть на крыльяхъ экстаза въ страну творческаго вдохновенія и прозрѣнія. Какъ Ювъ на пепелищѣ мы должны отвергнуть «безполезныхъ утѣшителей»; либо отречься отъ Господа и окончательно умереть, либо предать свой духъ во власть вѣчной Тайны и внимать въ священномъ трепетѣ голосу изъ неопалимой купины.

Г. Л. Ловкій.

Борисъ Зайцевъ. Аэонъ. YMCA-Press. Paris, 1928.

Книга Б. Зайцева — не гидъ паломника, не описаніе святыхъ и древностей аэонскихъ. Научный, историческій, художественный грузъ сведенъ здѣсь къ *minimum*'у. Это лишь искусно обработанныя страницы изъ дневника «православнаго человѣка и русскаго художника», проведеннаго на Аэонѣ «семнадцать незабываемыхъ дней».

Авторъ принесъ съ собою на Аэонъ смиренную готовность принять, не разсуждая, не сомнѣваясь, весь цѣликомъ, открывшійся ему особенный міръ, — и въ то же время зоркій взглядъ, изощренный только что проплывшимъ передъ нимъ волнующимъ образомъ Элады и опытомъ давнихъ итальянскихъ странствій. Двѣ души аэонскаго странника незримо борются между собою, но эта борьба остается скрытой глубоко, подъ прозрачной ясностью умиротвореннаго сознанія. Паломникъ повѣствуетъ о ночныхъ службахъ, о безсонномъ, голодномъ, трудовомъ подвигѣ Аэона, аскетически-суровомъ, какъ встарь. Художникъ запоминаетъ очарованіе еракійской ночи, горизонты моря, ароматы жасмина и желтаго дрѣка. Благоуханіе цвѣтовъ покидаетъ насъ на «Аэонѣ» лишь для того, чтобы уступить мѣсто церковнымъ благовоніямъ: «ладанно-сладковатымъ запахамъ» соборовъ, «злато-маслянистымъ, медвянымъ», исходящимъ даже отъ костей и череповъ. Весь пронизанный ароматами, освѣженный моремъ, Аэонъ Б. Зайцева утрачиваетъ свою суровость, баюкаетъ волнами душевно-тѣлесныхъ ритмовъ. По природѣ своей, по свойству своего нѣжнаго и кроткаго дарованія, Б. Зайцевъ не можетъ сказать «нѣтъ» ничему. Принимаетъ и фанатика, читающаго «современные философскіе журналы», хотя онъ совсѣмъ не въ стилѣ Аэона. Принимаетъ и пустую аэонскія бібліотеки: «Впрочемъ, можетъ-быть, истинная бібліотека и вообще должна быть безцѣльна. Еще вопросъ, слѣдуетъ